

Нин Муфань только усмехнулась в ответ.

— Ты закончила, Ню Цайцзе? Кем ты себя возомнила, что так говоришь о Тан Цю?

Лицо Ню Цайцзе исказилось. От досады ей хотелось плакать, но слезы не шли, и она с досадой и возмущением посмотрела на Нин Муфань.

— Как ты можешь так говорить обо мне? Это она бесстыжая. Она продала свое тело богатому человеку, а потом еще пыталась добиться удачи с тобой! Это неприемлемо. Она шлюха, которая раздвигает ноги за деньги! Что я не так сказала?

Тан Цю слушала, как Ню Цайцзе поносит ее с каждым словом. Казалось, что вылить на нее суп было недостаточно, чтобы донести до нее свою точку зрения.

К черту все моральные устои. Она шагнула вперед и ударила Ню Цайцзе по лицу.

В толпе воцарилась тишина. Одно дело, когда Тан Цю швырнула содержимое своей тарелки в Ню Цайцзе, другое — когда нанесла ей физический удар.

— Похоже, ты не очень хорошо соображаешь, так что надеюсь это послужит для тебя уроком. Ты что, считаешь меня слабохарактерной?

Ню Цайцзе схватилась за щеку. Ее лицо пылало красным, и она все еще была насквозь пропитана супом. Со всех сторон на нее смотрели глаза, в том числе и мечта ее жизни Нин Муфань, который холодно смотрел на нее. Это стало для нее последней каплей. Она бросилась на Тан Цю, не обращая внимания на последствия.

В мгновение ока Нин Муфань оттолкнул ее, заслонив собой Тан Цю.

— Прекрати, Ню Цайцзе!

Ню Цайцзе была готова сойти с ума. Каждый волосок ее тела был на взводе, и она превратилась в неуравновешенную развалину, полную ярости.

— Я твоя одноклассница, Нин Муфань. Она дала мне пощечину, а ты ее защищаешь? На тебя наложено какое-то заклятие?

— Это не имеет к нему никакого отношения, — Тан Цю заговорила раньше, чем он успел. — Ню Цайцзе, ты оклеветала меня и опорочила мое доброе имя. Если ты не можешь доказать ни одного из своих утверждений, то ты должна извиниться. Иначе эта пощечина станет лишь началом всего того, что я с тобой сделаю.

Она оттолкнула Нин Муфань, не желая впутывать в это дело старшего.

— Доказательства? — насмеялась Ню Цайцзе. — Ты хочешь, чтобы я сфотографировала тебя с каким-нибудь вульгарным мужчиной, с которым ты спала в постели?

— Так у тебя вообще нет никаких доказательств! — резко огрызнулся Нин Муфань. — Ты просто пытаешься подставить Тан Цю. Немедленно извинись!

Его слова были как нож в сердце Ню Цайцзе. Мужчина, к которому она испытывала чувства, заставлял ее извиняться перед этой сукой Тан Цю. Она еще глубже вцепилась в него.

— Она дала мне пощечину. Почему я должна извиняться? Это она должна извиняться передо мной!

В этот момент раздался звук отскочившего мяча. Никто не успел среагировать, как баскетбольный мяч пролетел по воздуху и попал прямо в Ню Цайцзе.

Сила удара застала ее врасплох. Ню Цайцзе упала на землю. Зажимая руку, она с ненавистью посмотрела в ту сторону, откуда прилетел мяч.

К всеобщему удивлению, это была звезда баскетбольной площадки и студент-медик Цянь Хунвэй. Одетый в спортивную форму, он подошел и взял свой баскетбольный мяч:

— Ты что, не заметила, что мой мяч летит в твою сторону? — пробурчал он, глядя на Ню Цайцзе. — Нужно было хотя бы увернуться.

Ярость исказила лицо Ню Цайцзе, заливая ее зрение красным светом. Было очевидно, что он специально бросил в нее мяч. Тем временем Тан Цю подавила смешок. Как и подобает старшему Цянь Хунвэй вышел из себя, а потом отмахнулся от ответственности.

— Ты ведь не стала немой? — Цянь Хунвэй издал преувеличенный звук неодобрения. — Я тоже не понимаю, что происходит с этим мячом. Когда он видит кого-то, кого терпеть не может, то не может удержаться, чтобы не преподать ему урок. Я не смог вовремя остановить его. Но ведь обид нет, верно?

— Не говори ерунды, Цянь Хунвэй, — проворчала Ню Цайцзе. — Ты сделал это нарочно!

Даже он защищал Тан Цю — надо отдать должное этой сучке: Нин Муфань заступился за нее, а Цянь Хунвэй бросился на ее защиту. Она больше не могла этого выносить.

Цянь Хунвэй прислонился к плечу Тан Цю. Его слова были неторопливы, но пронизаны презрением.

— Тан Цю только и сделала, что сменила одежду, а ты уже называешь ее шлюхой. А как насчет тебя? Если ты купила пару новых шмоток, значит, ты заплатила за них своим телом?

— У меня есть деньги, чтобы купить новую одежду!— Нью Цайцзе зарычала, разрываясь между яростью и стыдом. — Как ты можешь сравнивать меня с ней?

— Где твои доказательства? — Цянь Хунвэй бросил на нее колкий взгляд. — По твоей логике, того факта, что у меня нет скандальных фотографий, на которых ты запечатлена в постели, недостаточно, чтобы доказать, что у тебя действительно есть средства, чтобы покрыть расходы на одежду, так что...

Нью Цайцзе была вне себя от ярости, но продолжала слушать.

— Ты сказала, что Тан Цю продала себя за деньги. В таком случае ответь мне вот на что: между мной и Нин Муфань, кто богаче?

Взгляд Нью Цайцзе вспыхнул красным. Нины и Цяни стояли в одном ряду с самыми элитными семьями. Как их можно было сравнивать?

— Разве вы не сравнялись?

Цянь Хунвэй поднял бровь:

— Кто же из нас более популярен среди девушек?

Нью Цайцзе не могла понять его намерений. Ее взгляд метался между правильным Нин Муфаном с его царственной осанкой и дерзким, лихим Цянь Хунвэем. Как она могла выбрать между ними?

— Вы оба очень привлекательны, — признала она. Она встретилась взглядом с Тан Цю, и вспышка смущения только усилила ее негодование.

Цянь Хунвэй холодно усмехнулся:

— Ты говоришь, что мы с Нин Муфань богаты и привлекательны. В таком случае, если Тан Цю такая золотоискательница, как ты говоришь, то почему она не предложила нам себя? Почему она не перешла все границы? Почему ей достаточно отношений, как старшими и младшими студентами?